

ФИЛОЛОГИЯ

«СЫН ЗЕМЛИ С ГЛАЗАМИ НЕБА ...»:¹ О ДУХОВНОМ МИРЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ
ректор Тамбовской духовной семинарии, кандидат богословия

Аннотация: Статья посвящена проблеме выражения религиозного чувства в поэзии М.Ю. Лермонтова, для которой характерен сложный и противоречивый взгляд как на человека в его земном существовании, так и на горний, Божественный мир. Подчеркивается доминирование мотива отрицания и неприятия, духовной дисгармонии и пустоты в философской лирике поэта. Вместе с тем отмечается присутствие в отдельных лирических произведениях благодатной силы, внутреннего света и легкости, тонкого национально-религиозного настроения, которые были присущи Лермонтову в минуты подлинного Богообщения.

Ключевые слова: лирика, стихотворение, художественное выражение, внутреннее переживание, пустынная душа, одиночество, противоречивость, национально-религиозное настроение.

Духовный мир великого русского поэта М.Ю. Лермонтова весьма противоречив и загадочен. Исследователи продолжают вести споры о тайне его личности, стараясь разгадать, что было определяющим в его творчестве.

В своих стихотворениях Лермонтов нередко обращался к духовной теме. Религиозные мотивы в его поэзии раскрываются тонко и непредсказуемо. Понять его истинные чувства и внутренние переживания порой очень трудно. Например, стихотворение «Молитва» поначалу производит благоприятное впечатление и подкупает тем, что автор молится не о себе самом, а о другом, по-видимому, очень близком ему человеке:

¹ Хлебников В. Я для вас звезда : стихотворения. Мир поэзии. М., 1999. 146 с.

*Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.*

Любой человек, имеющий определенный личный молитвенный опыт, непременно обратит внимание на строки, вызывающие некоторое недоумение. Ведь подлинная молитва всегда наполнена искренним покаянием и благодарностью к Богу, желанием достичь единения с Ним и вечного спасения. Фальшивые нотки в мольбе Лермонтова заметил преподобный старец Оптинский Варсонофий, который, давая комментарий на указанное стихотворение, писал, что поэт «не понимал ... настоящей молитвы ... Что выражает поэт, о чем молится? – продолжает старец. – ... Не о спасении ... Не с благодарностью иль покаянием ... Какая же это молитва? Человек вообще не думает ни о своем спасении, не кается и не благодарит Бога. Печальное состояние души. Сам поэт называет свою душу „пустынную“! Вот эта пустынная душа его и дошла, наконец, до такого состояния, что стала воспевать демона»². Слова святого старца Варсонофия, который судит о настроении поэта с высоты своего молитвенного духовного опыта, помогают понять внутренний мир и духовную поэзию Лермонтова.

В начале другого стихотворения «Молитва», написанного в 1829 году, Лермонтов как будто бы обращается к Богу с покаянием:

*Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от Тебя ...*

² Симфония к беседам преподобного Оптинского старца Варсонофия [Электронный ресурс] // Оптина пустынь [официальный сайт] / Введен. ставропиг. муж. монастырь. URL: <http://www.optina.ru> (дата обращения: 20.01.2014).

В завершение своей на первый взгляд исходящей из глубины души искренней молитвы Лермонтов просит Всесильного Творца:

*Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор.
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращусь.*

Главной причиной своих страстей Лермонтов называет поэтический дар и просит Бога освободить от него; он стремится сложить с себя ответственность и переложить вину на Бога. Если не иметь духовного рассуждения, это может привести к утверждению, что Бог является виновником зла не только в душе поэта, но и во Вселенной. В конце жизни противоречивость Лермонтова будет выражена в еще более резкой форме, когда он пренебрежет даром Божиим и попросит Творца лишить его жизни. За несколько месяцев до роковой дуэли под Пятигорском у подножия горы Машук из-под его пера вышли следующие строки:

*За все, за все Тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был ...
Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я еще благодарил.*

Это произведение красноречиво свидетельствует о плачевном духовном состоянии М. Ю. Лермонтова. Исследователь его творчества Иракий Андроников отмечал, что «в основу стихотворения положена мысль, что Бог является источником мирового зла»³. Андроников приводит свидетельство историка русской литературы Бориса Яковлевича Бухштаба: «Основной тон стихотворений – ирония над прославлением „благости Господней“: все стихотворение как бы пародирует благодарственную молитву за премудрое

³ Дунаев М. М. Православие и русская литература : в 6 ч. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. Ч. 1/2. С. 332.

и благое устройство мира»⁴. О том, что указанное произведение возникло не случайно, а является результатом внутреннего опустошенного состояния и подавленного настроения поэта, свидетельствует и другое его сочинение, написанное в 1840 году:

*И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. Что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят – все лучшие годы!
Любить ... но кого же?.. На время – не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? – Там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...
Что страсти? – Ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, –
Такая пустая и глупая шутка...*

По содержанию это стихотворение можно сравнить с известным пушкинским – «Дар напрасный...». Однако «у Лермонтова не только больше горечи, но больше и безнадежности. Он опускается до крайних глубин безверия. И не просто бездумного безверия, которое легко переносится, но безверия, сознаваемого в отчаянии. Для Пушкина – жизнь все-таки дар Божий, пусть и отвергаемый им в какой-то момент. Для Лермонтова – шутка, но „пустая и глупая шутка“ – это кощунственный вызов Создателю»⁵.

Отвергая жизнь, поэт в своих произведениях не показывает и подлинной любви, заповеданной в Евангелии. Апостолу Павлу принадлежит, пожалуй, самое лучшее определение любви в ее христианском понимании: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла» (1 Кор. 13, 4–5). В творчестве Лермонтова стихов о жертвенной любви встретить нельзя. «Лермонтовские герои именно свое ищут, – убежден исследователь наследия поэта М.М. Дунаев, – а не найдя, услаждают себя злобою и одновременно раздражают душу страданиями неразделенного одиночества. Безответная любовь здесь как будто для того и необходима, чтобы упиться

⁴ Дунаев М.М. Указ. соч.

⁵ Там же. С. 331.

одиночеством еще полнее»⁶. Настоящая любовь к Богу и человеку достигается тяжелым трудом, через преодоление своего эгоизма, через смирение и самоотвержение. Ничего подобного у Лермонтова, как правило, нет. Вспомним такие его строки:

*Я не унижусь пред тобою:
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор ...*

«Любовь уже потому не могла быть для Лермонтова началом жизненного наполнения, – писал русский философ Владимир Соловьев, – что он любил главным образом лишь собственное любовное состояние, и понятно, что такая формальная любовь могла быть лишь рамкой, а не содержанием его „я“, которое оставалось одиноким и пустым. Это одиночество и пустынность напряженной и в себе сосредоточенной личной силы, не находящей себе достаточно удовлетворяющего применения, есть первая и основная черта Лермонтовской поэзии и жизни»⁷. Одиночество, уныние и печаль являются жизненными спутниками поэта и часто наполняют его сердце. Они присутствуют и в стихах, написанных в начале творческого пути, и в стихах, созданных незадолго до безвременной кончины. Некоторые исследователи в таком настроении Лермонтова видят покаянные переживания, примером чего называют стихотворение «Когда, надежде недоступный ...», где «содержится не только всплеск покаянного чувства, не только признание героем собственной вины в нарушении блаженной невинности и чистоты души, но и призыв к терпеливому перенесению последствий этой невозполнимой утраты»⁸. Однако другие исследователи, в частности М.О. Гершензон, утверждают, что «в его поэзии нельзя открыть ни малейших признаков покаяния. Чувство греха чуждо ему»⁹. Каким бы противоречивым ни был духовный мир Лермонтова, следует признать, что «Лермонтов никогда не доходил до открытой хулы на Бога и Церковь»¹⁰.

⁶ Там же. С. 337.

⁷ Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 387.

⁸ Нестор (Кумыш), игум. Тайна Лермонтова. СПб., 2012. С. 134.

⁹ Там же. С. 128.

¹⁰ Кравцов К., свящ. Духовная драма Лермонтова // Мир Лермонтова : материалы третьих Лермонтовских чтений. Ярославль, 2003. С. 24.

В наследии поэта выделяются своей благодатной силой, внутренним светом и легкостью два произведения, о которых старец Варсонофий Оптинский сказал так: «Особенно стоят два, действительно, прекрасные по идее стихотворения: „Ангел“ и „В минуту жизни трудную ...“»¹¹.

Стихотворение «Ангел» было написано Лермонтовым в 1831 году, когда ему было 17 лет. Он пишет, что душа человека на земле лишена «блаженства безгрешных духов», «звуков небес», она томится и надеется, «желанием чудным полна», вернуться к прежнему безгрешному состоянию, чтобы со всеми святыми и ангелами славословить «Бога великого». Душа не может забыть пребывания «под кущами райских садов», где она находилась до грехопадения, и которого не могут заменить «скучные песни земли»:

*По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

В другом произведении, упоминаемом старцем Варсонофием, «В минуту жизни трудную ...» говорится об особом молитвенном порыве, при котором «и верится, и плачется, и так легко, легко»¹². Преподобный Варсонофий отмечал, что речь, по-видимому, идет о молитве Иисусовой: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного».

¹¹ Симфония к беседам преподобного Оптинского старца Варсонофия [Электронный ресурс] // Оптина пустынь [официальный сайт] / Введен. ставропиг. муж. монастырь. URL: <http://www.optina.ru> (дата обращения: 20.01.2014).

¹² Там же.

*В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...*

Известна история написания этого стихотворения. Одна из знаковых М.Ю. Лермонтова, княгиня М.А. Щербатова, посоветовала ему молиться в тех случаях, когда его посещает тоска. Поэт прислушался к ее совету, и через некоторое время родилось стихотворение. «Лермонтовская «Молитва», – пишет игумен Нестор (Кумыш), – редкий образец высокой религиозной поэзии и отголосок того сокровенного опыта молитвы, который имел Лермонтов, тщательно скрывавший от всех особенности своей внутренней жизни»¹³. Ряд исследователей вторят ему и отмечают религиозную одаренность Лермонтова, проявляющуюся в некоторых стихах, например:

*Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчитя он:
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога ...*

¹³ Нестор (Кумыш), игум. Указ. соч. С. 264.

Строки другого стихотворения Михаила Юрьевича свидетельствуют о красоте земной природы и всей Вселенной, отражающих величие Творца:

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.*

Поистине чудесные строки, возносящие душу в таинственный, небесный, Божественный мир. Так просто и вместе с тем гениально, всего несколькими словами передать ощущения одинокого путника, шагнувшего во тьму ночи, наполненную чарующей тишиной пустыни, внимающей неземным голосам, мог только великий поэт. «Я не знаю в русской поэзии ничего подобного этому стихотворению, – пишет филолог священник Константин Кравцов, – передающему что-то очень похожее на то упоминаемое в Книге Царств „веяние тихого ветра“, тот „глас хлада тонка“, в котором пребывает Бог»¹⁴.

Лермонтов тонко чувствовал народные традиции, основанные на православной христианской вере. В «Казачьей колыбельной песне» есть искреннее религиозное чувство, лежащее в основе любви матери к сыну:

*Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой;
Да готовься в бой опасный,
Помни мать свою...*

«Поэзия Лермонтова ... на последней ступени своего развития, – по мнению В. Ключевского, – близко подошла к ... национально-религиозному настроению, и его грусть становилась художественным выражением того стиха-молитвы, который служит формулой русского религиозного настроения ... Никакой христианский народ ... всею своею историей не прочувствовал этого стиха так глубоко, как русский, и ни один русский поэт доселе не был так способен глубоко проникнуться этим

¹⁴ Кравцов К., свящ. Указ. соч. С. 24.

народным чувством и дать ему художественное выражение, как Лермонтов»¹⁵.

Творчество Лермонтова «довольно трудно свести ... к какому-нибудь единому духовно-нравственному итогу»¹⁶. Его вклад в русскую православную культуру не измеряется лишь несколькими написанными в православном христианском духе стихотворениями. Будучи гениальным поэтом, Лермонтов всем своим творчеством и жизнью показывает потомкам, в какие бездны отчаяния может привести человека потакание низменным страстям, какая дисгармония наступает, если телесное начало в человеке подавляет духовное. «Он сумел с гениальной силой выявить то, что иные лишь смутно ощущали, что неясно брезжило во многих умах. В этом духовная ценность Лермонтовского поэтического творчества»¹⁷.

¹⁵ Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1991. С. 444.

¹⁶ Нестор (Кумыш), игум. Указ. соч. С. 264.

¹⁷ Дунаев М.М. Указ. соч. С. 343.